

ЧТЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

«Положи твоё сердце у чтения» — эту заповедь оставил потомкам египтянин Кхорди более 5500 лет тому назад¹. Чтение, книга, библиотека на протяжении всей истории развития обществ привлекали лучшие умы человечества. Все великие люди, особенно писатели, были и великими читателями: Шиллер, Гете, Пушкин, Тургенев, Достоевский, Толстой, Горький и многие другие. Своим творчеством и подвижническим трудом они внесли неповторимый вклад в национальную и мировую культуру, формируя у рядового читателя вкус к чтению и высокую духовность.

Сегодня исследователи во всем мире отмечают наступление системного кризиса чтения. Данная статья посвящена рассмотрению комплекса социальных проблем, связанных с умением читать. Для начала определим, что же понимается сегодня под чтением.

Умение читать подразделяется в современной психологии и педагогике на несколько взаимосвязанных уровней: на первом, элементарном, человек учится узнавать буквы и складывать их в слова, на втором — читать вслух, на третьем — читать про себя, наконец, на последнем — рефлексировать по поводу прочитанного, критически его осмысливать. Чтобы быть полноценным, грамотным читателем, необходимо последовательно освоить все четыре уровня формирования навыка чтения.

Озабоченность мировой научной общественности связана, в первую очередь, с ростом числа людей неграмотных, не владеющих навыками чтения (на первом уровне), письма и счёта. По данным ЮНЕСКО, более 771 млн взрослых жителей планеты

не умеют читать, около 100 млн детей не ходят в школу. Конечно, неграмотность представлена в мире неравномерно: подавляющее большинство не владеющих грамотой людей живут в 35 беднейших странах мира². Однако немало их и в развитых капиталистических странах. В докладе «Нация в опасности: необходимость реформы образования»³ (1983 г.) отмечалось, что доля неграмотных среди юных американцев составляла 17%.

Говоря о неграмотности, важно учитывать и остальные уровни овладения навыками чтения. Недостаточное развитие навыка чтения на более высоких уровнях, предполагающих анализ, творческую работу читателя, обозначается термином *функциональная*, или *вторичная, неграмотность*. Понятие «функциональная неграмотность» возникло сравнительно недавно — в начале 1980-х гг. По определению специалистов ЮНЕСКО, термин «функциональная неграмотность» применим к любому лицу, в значительной мере утратившему навыки чтения и письма и не способному к восприятию короткого и несложного текста. Функциональная неграмотность связана скорее с недостатком начитанности, образованности, а не с простым умением читать и писать. О функциональной неграмотности можно говорить в случае, когда человек не воспринимает (частично или полностью) общий смысл текста, не способен выделить основную мысль текста, пересказать содержание, испытывает затруднения с формулированием собственных мыслей по поводу прочитанного.

Приведем некоторые цифры. По результатам международных исследований PISA⁴, проведенных в 2000 г., учащихся, умеющих

выделить главную мысль текста, — 71%, умеющих находить заданную информацию, — 77%, умеющих понимать связность и последовательность событий, — 63%. Таким образом, около 30% могут считаться функционально неграмотными. Другие исследования подтверждают эти данные. Так, в Канаде еще в 1990-е гг. почти четверть населения была отнесена к функционально неграмотным, в Германии — около четырех миллионов, во Франции, положившей начало эпохе Просвещения, в 1996 г. процент таких людей достигал 20.

В современной России действует та же тенденция: интерес к чтению заметно понизился. В упомянутом выше исследовании PISA-2000 приняли участие 32 страны, учащиеся из России заняли 27-е место. Сравнение данных показывает, что удовлетворительную грамотность имеют 60% учащихся в развитых странах, в России таких — 43%. Около 27% учащихся в России имеют неудовлетворительную грамотность, тогда как в Финляндии таких учащихся около 7%, в Японии — 10%, в Корее — 6%.

Исследования PISA⁵, проведенные в 2002 г., показали ту же картину: российские школьники, утратившие в последние десятилетия интерес к чтению, разучились воспринимать текст. Они оказались на самых последних местах по сравнению с 1991 г., когда были первыми. Нас далеко обогнали Австрия, Австралия, Великобритания, Канада, Финляндия, Япония и др. Мы оказались в группе стран, имеющих показатели ниже среднего: Испания, Польша, Греция, Латвия, Мексика и Бразилия.

Масштабы этой социальной проблемы настолько значительны, что дают основания говорить о системном кризисе читательской (и писательской) культуры в нашей стране. Как подчёркивают разработчики «Национальной программы поддержки и развития чтения» (о ней ниже), страна *подошла к критическому пределу пренебрежения чтением*.

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 35% россиян вообще не читают книг. Более тре-

ти населения страны за год ни разу не взяли в руки книгу⁶. Данные Левада-центра подтверждают тенденцию: доля тех, кто никогда не читает книг, составляет, по исследованию 2008 г., 46% (еще 36% читают лишь от случая к случаю), что пусть и не намного (4–6%), но больше, чем показатели прошлых лет⁷. И, как утверждают исследователи, эти цифры разительно отличаются от аналогичных на начало 1990-х гг. Этот процесс читательской деградации может стать необратимым⁸. Даже в среде людей, занятых интеллектуальным трудом (российская интеллигенция), судя по выбору художественной и профессиональной литературы для чтения, нередко доминируют невзыскательность и примитивизм.

Опасна ли сложившаяся ситуация? Социальная наука свидетельствует, что социальные последствия роста неграмотности для всего общества крайне негативны. Чтобы эта проблема стала очевидной, обозначим функции, выполняемые чтением на различных уровнях.

Говоря о чтении как о феномене социальном, можно выделить несколько групп его функций.

На индивидуальном уровне чтение способствует развитию полноценной в интеллектуальном и эмоциональном плане личности, способной к саморазвитию и реализации. По мнению авторитетнейшего в нашей стране социолога культуры и чтения С. Н. Плотникова⁹, чтение способствует выработке важнейших социокультурных качеств личности¹⁰, которые выявляются при сопоставительном анализе людей читающих и нечитающих. Читающие люди: 1) способны мыслить в категориях проблем, схватывать целое и выявлять противоречивые взаимосвязи явлений; более адекватно оценивать ситуацию и быстрее находить правильные решения; 2) имеют большой объем памяти и активное творческое воображение; 3) лучше владеют речью: она выразительнее, строже по мысли и богаче по запасу слов; 4) точнее формулируют и свободнее пишут; 5) легче вступают в контакты и приятны в общении; 6) обладают

большей потребностью в независимости и внутренней свободе, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении. Здесь речь идет уже не о начитанности и образованности, а об интеллектуальности, не о знаниях, но о схемах мышления, что имеет сегодня особую актуальность. Установлено, что чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и концептосфера¹¹.

Итак, культура личности во многом складывается из культуры чтения, которая отражает многие составляющие развития личности: мировоззренческую, культурологическую, психологическую, философскую и т. д. Культура чтения выступает как показатель гармонического целостного развития личности, его социальной зрелости, как фактор социокоммуникативного развития человека. Таким образом, чтение формирует качества наиболее развитого и социально-ценного, востребованного человека.

На уровне групповом, субкультурном чтение, с одной стороны, — это составная часть механизма передачи и сохранения традиций и обычаев, способствующих обогащению мирового запаса идей (здесь необходимо говорить об особых видах чтения: национальном, религиозном и др.). С другой стороны, литература и общение неразделимы, и группы, где приняты такие формы проведения досуга, как, например, обсуждение прочитанного, требуют от своих членов большой интеллектуальной активности. Вспоминаю наши неоднократные встречи с бывшим ректором РГПУ им. А. И. Герцена А. Д. Боборыкиным, часто начинавшим беседу с рассуждения о прочитанной книге или статье, которая широко обсуждалась в интеллектуальной среде. Сидеть и молчать, если не прочел то или иное произведение, было как-то неуютно. Такие интеллектуальные упражнения развивают мыслительную функцию человека, повышают его интеллект, а следовательно, жизненные шансы. Естественно, формы досуга очень чувствительны к уровню образования и происхождению людей. Поэтому

чтение участвует также в воспроизводстве социальной структуры общества.

На уровне социетальном чтение является инструментом воспроизводства социально-значимого типа личности. Книги фиксируют социально-санкционированные ценности и нормы и передают их новым поколениям, обеспечивая в обществе преемственность и солидарность. Можно сказать, что мы не понимаем друг друга потому, что мы читали разные книги.

Еще один аспект социального и культурного воспроизводства состоит в том, что чтение не только дает человеку возможность стать полноценным членом общества, но и детей своих воспитать в духе уважения к учению, преданности семье и Родине, любви к прекрасному. Внимательный и вдумчивый читатель с годами приобретает мудрость, необходимую для терпеливого и чуткого общения с детьми.

Кроме того, необходимо вспомнить и о потенциале государства, и здесь мы вновь сошлемся на С. Н. Плотникова. Он говорит о чтении как о факторе жизнеохранения, воспроизводства интеллектуального потенциала общества. Конечно, культуру творит наиболее активное и интеллектуально развитое меньшинство. Но в обществе, где образованию и образованности придается большее значение, размер этого меньшинства, вероятнее всего, будет больше, обмен идей — интенсивней, простор для творчества — свободней.

Значение чтения для всего общества подчеркивается сегодня и педагогами, традиционно сосредоточенными на досуговом его характере, на влиянии чтения на личностный рост. В последние годы в трудах педагогов, особенно Т. Г. Галактионовой, профессора кафедры педагогики Герценовского университета, чтение анализируется как важнейшее средство сохранения интеллектуального и культурного потенциала общества, преемственности знаний и существенного фактора социокоммуникативного развития человека, как способ развития нравственного потенциала подрастающего поколения¹².

Рост неграмотности и малограмотности создает опасность и обороноспособности страны. Призыв в армию молодых людей, не умеющих читать и писать (а их с каждым годом становится всё больше), является огромной социальной проблемой.

Отрицательно сказывается данный фактор и на экономической жизни. Во-первых, малограмотные молодые люди в случае отраслевых или глобальных экономических трансформаций скорее всего пополняют армию безработных. Во-вторых, давно уже выявлена зависимость чтения и производительности труда. Американский исследователь Д. Козол в 1985 г., приводя цифры о функционально неграмотных американцах, писал: «Неграмотность берёт тяжелую пошлину с нашей экономики, влияет на нашу политическую систему и, что ещё более важно, на жизнь неграмотных американцев». Тогда потери из-за неё составили около 237 млрд долларов¹³.

Перечень факторов и констатаций, отражающих пагубное влияние «кризиса чтения», можно продолжить.

Но каковы же причины столь тяжелого положения в области читательской культуры? Что делается и что нужно предпринять для предотвращения её дальнейшей деградации, для возрождения социальной престижности чтения? Ответы на поставленные вопросы ищут учёные, представляющие разные отрасли научного знания (историю и психологию, библиотковедение и социолингвистику, культурологию и литературоведение). Огромным исследовательским потенциалом и большим накопленным опытом располагает социология. Специфика социологического подхода в том, что он ориентирован на изучение именно социального аспекта чтения — того, как навыки и предпочтения соотносятся с широким социальным контекстом. Социология сосредоточена на изучении чтения как социальной практики, обусловленной комплексом экономических, культурных, структурных причин. Это означает, что получение информации — лишь одна сторона чтения. Чтение — это практика приобщения к

культуре определенной социальной среды. Объем и направленность нашего интереса в области чтения, наша читательская активность — это функция нашей принадлежности к какой-либо социальной, профессиональной, этнической группе, она находится в зависимости от того, нормы и ценности какой среды мы разделяем. Ценностные ориентации и поведенческие интересы подростков складываются под влиянием первичных групп, далее — школьной среды и референтных групп (групп, на образ жизни которых человек ориентируется). Кроме того, на чтение влияют также и макросоциальные факторы — ситуация в стране в целом.

Исходя из сказанного, мы можем выделить несколько факторов читательской активности. Мы постарались здесь обобщить позиции, выдвигаемыми как учеными-социологами, так и психологами, публицистами, экономистами, педагогами.

1. Очень многие ученые и публицисты ссылаются на то, что чтение в молодежной среде не выдерживает конкуренции с иными источниками информации и способами проведения досуга — телепередачами и кинофильмами, различными интерактивными способами общения в сети Интернет, видеоиграми и т. д. Например, в Японии поколение детей 1990-х гг. называли «тэрби-ко», что в переводе означает «дети телевидения». Они просиживали у телевизора от 3 до 6 часов в сутки. Эта тенденция является общей для всех высокоразвитых в техническом отношении стран.

В данном контексте ссылаются на теоретика массовой культуры профессора Маршалла Маклюэна, труды которого получили известность в 60-е гг. XX в. Он, в частности, предсказывал близкий конец эры книгопечатания — «галактики Гуттенберга». Сменив эпоху трайбализма (племенной строй, допечатная культура) с ее естественностью и гармоничностью отношений, она принесла с собой абсолютное доминирование визуальных каналов. Алфавит, письмо, печатный станок, по его мнению, породили отчужденность человека от общества, на-

циональное государство и индивидуализм. С появлением электронных средств коммуникации начинается наступление новой эпохи — неотрайболизма, «глобальной деревни», когда мир человека вновь станет единым, только уже на глобальном уровне. Меняются средства коммуникации и информации — меняется мышление, поведение и формы социации¹⁴.

Если это так, то есть если происходит обеднение культуры, но изменение доминирующего источника информации и формы ее получения (от визуальной информации мы переходим к аудиовизуальной), то поводов для беспокойства (если вы не книготорговец, конечно) вроде бы нет. Но данные убедительно свидетельствуют, что тот, кто перестал читать книги, не заменил их на электронные издания, не перешел на прослушивание аудиозаписей литературы, — он просто перестал читать. Думается, что рассуждения М. Маклюэна не являются достаточным объяснением кризиса чтения.

В условиях широкого использования мультимедийных средств и особенно Интернета, как показывают исследования, молодёжь чаще всего обращается к развлекательным программам, не требующим никакого напряжения ума. Исключение составляет часть студенческой молодёжи, которая часто подходит к информационным ресурсам сугубо утилитарно, в результате чего мы сталкиваемся с тем, что дипломные и курсовые работы написаны на базе интернет-ресурсов, нередко в технике «paste-сору», хотя по большинству тем в библиотеках имеются разнообразные и лучше сконструированные источники, предоставляется бесплатная методическая помощь.

Кроме того, можно было бы не беспокоиться за современного телезрителя, если бы телевидение предлагало достаточное количество разнообразных познавательных передач. Но это ведь не так. Достаточно взглянуть на рейтинги самых популярных телепрограмм, чтобы понять: отнюдь не политикой, экономикой или классической культурой интересуются молодые люди.

Если телевидение не предоставляет достаточного когнитивного разнообразия для полноценного развития личности, то, наверное, семья должна восполнить это, направив интерес подростка в сторону чтения. Однако в условиях информатизации все большую роль в социализации играют СМИ, занимая то место, которое традиционно отводилось семье. И только очень немногие семьи могут соревноваться с многоцветицей и многоголосицей мира внешнего. Запомнилось недавнее выступление губернатора Вологодской области Мозгалева на ежегодной XIV конференции Российской библиотечной ассоциации в г. Вологде. Он говорил о проблеме чтения как важнейшей государственной задаче и рассказал, как он решает ее в своей семье, где традиционно все читают и часто обсуждают прочитанное. С малых лет губернатор приучал к чтению своих внуков, читал им русские народные сказки, знакомил с писателями, поэтами. Теперь они самые активные читатели и часто советуют деду, какую книгу ему следует прочитать (несмотря на то, что по роду своей деятельности они связаны с компьютерными технологиями).

А много ли таких семей в области? И сколько их в России? Вопросы не праздные. Российская семья, переживающая сегодня глубокий кризис, нуждается во всесторонней государственной поддержке, без которой она вряд ли сможет выполнить свою высокую просветительскую миссию.

2. Столь же остро стоит вопрос и применительно к системе образования, в частности к школе. Многие социологи считают, что именно на этапе школьного образования за последние годы мы теряем читающее поколение. А ведь совсем недавно, в 1970-е и вплоть до середины 1980-х гг., наша страна считалась самой читающей страной в мире, 90–93% населения регулярно читали книги, каждая семья выписывала по 2–3 газеты.

Можно выделить и чисто педагогическую причину — несоответствие методик обучения чтению психологической конституции современных детей и подростков и

требованиям общества. Некоторые психологи отмечают у школьных педагогов недостаток знаний по психологии и физиологии детей. Например, школьников в младшей школе заставляют читать на время, при этом четко артикулируя, что крайне сложно. Переходу же на следующий этап — быстрому чтению про себя — не учат вовсе. В результате у многих взрослых людей сегодня отмечается такой недостаток, как шевеление губами во время чтения. Это препятствует полному усвоению информации.

Дело в том, что многие педагоги слабо представляют себе — что такое ребенок. А уж что такое современный ребенок, не знают вовсе — боятся его и игнорируют. И улучшения в этой области не предвидится — в последние годы из стандарта высшего педагогического образования исключили изучение возрастной физиологии.

Другой аспект педагогической проблемы — современный учебный стандарт и его несоответствие потребностям и интересам детей. Вопрос этот неоднозначен. Прочитал недавно сборник статей «Школа как территория чтения», где в качестве мер приобщения школьников к чтению автор, доцент Т. В. Рыжкова, предлагает «отказаться от бездумной реализации нынешнего стандарта», ведь *дети пошли не те*. «Если нас с вами волнует Пушкин, Гоголь, Достоевский, то наших детей и внуков — Пелевин, Стругацкие, Акунин, Семенова, Мурашова, романы для девочек, детективы и пр.»¹⁵. Более того, автор делает некий упрек учителям, что они не соблюдают право ребенка-читателя, которое Даниил Пеннак сформулировал как право «не читать»¹⁶. Если исходить из такой логики, то, может быть, следует отказаться и от преподавания арифметики, геометрии, физкультуры и некоторых других предметов, ибо они далеко не всем детям нравятся и нужно защитить их право «не учиться». Думается, что задача школы и семьи — не в бездумном потакании интересам, сформированным вне их среды, а в попытке стимулировать любопытство, заинтересованность, желание прочесть не только книги современных авто-

ров, но и произведения классической литературы. Да, чтение — это нелегкий труд. Великий Гете неоднократно говорил о трудности чтения. «Эти добрые люди и не предполагают, сколько трудов и времени стоит другому научиться читать, — говорил он. — Я сам на это употребил восемьдесят лет и доселе не могу сказать, чтобы достиг цели». Но школа в данном случае призвана провести ребенка по этому трудному пути, помогая ему и направляя его.

Конечно, нельзя винить во всем школу. Образовательная политика государства по отношению к школе не всегда демократична. С мнением школы не считались при введении ЕГЭ; издание новых словарей, которые вызвали массовое неприятие в учительской среде, также проходило без их участия. Нередко учителя вынуждены выполнять не свойственные им функции (участие в избирательных комиссиях) и т. д. Оставляет желать лучшего материальное положение. Всё это подавляет подлинно созидательную (а не показушную!) инициативу и порождает социальную апатию.

Возьмем проблему ЕГЭ. Приемные комиссии вузов регулярно фиксируют слабое знание абитуриентами литературы и нередко вопиющую неграмотность. ЕГЭ по русской литературе «сглаживает» эту проблему, заменяя творческое начало в приобретении знаний «натаскиванием» учащихся. Страдают от этого и вузы, вынужденные исправлять недостатки школьного образования. Можно себе представить, с какими трудностями столкнутся наши филологи, преподаватели русского языка уже в новом учебном году.

3. По поводу влияния на чтение экономических факторов исследователи расходятся во мнении. Одни утверждают, что кризисные явления в экономике приводят к тому, что люди больше внимания начинают уделять общению с семьей и спокойным домашним занятиям. Большинство же склонно винить в кризисе чтения в России радикальные рыночные реформы 90-х гг. Они вызвали качественные изменения в социально-классовой структуре россий-

ского общества, многократно усилили социальное неравенство. Реформам сопутствовали ужасающая дифференциация в доходах населения, рост бедности. По данным института социологических исследований, в России свыше 60% населения характеризуется тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности»¹⁷. Предполагается, что у этой части населения главное — забота о хлебе насущном, и она мало обеспокоена пищей духовной. Кроме того, неустойчивое финансовое положение большинства семей сокращает их возможности приобретения книг, журналов, газет.

Подтверждением этого является тот факт, что в российском обществе в последние десятилетия растёт социальный слой малограмотных, не умеющих читать молодых людей, относящихся, как правило, к девиантным группам, или группам социального риска. По данным МВД РФ, в России более 700 тыс. детей-сирот, 2 млн подростков неграмотны, а беспризорность такая же, как после войны¹⁸.

4. Имеет место также такой фактор, как пропаганда на массовом уровне культа денег, реклама гипертрофированной индустрии развлечений, навязывание потребительских стандартов поведения в целом. Разница с советским информационным пространством разительна: бытование на центральных молодёжных каналах и программах калькированных с западного телевидения псевдоинтеллектуальных шоу и передач вроде «Кто хочет стать миллионером?», «Поле чудес», «Дом-2», «Фабрика звёзд», «Стань супермоделью» в ущерб, скажем, анализу концепции социальной политики, оценкам эффективности государства, конкурсам рабочего мастерства, проблемам массовых категорий населения — селян, пенсионеров, жизни науки и искусства. Некоторые писатели склонны считать это естественным процессом общественной жизни, некоторые — видеть за происходящим чью-то, чаще политическую, злую волю. В подтверждение последней позиции

часто приводятся рассуждения известного социолога знания К. Мангейма, создателя теории идеологии. Он, в частности, писал, что буржуазная элита, контролируя массовые информационные процессы в обществе, стремится сформировать у основной массы населения «частичную идеологию», которая никогда не позволит населению обрести понимание происходящих в обществе и мире процессов, а замкнёт сознание населения в рефлексии чередующихся скандалов, сенсаций, небылиц, трагедий или катастроф... Такое население никогда не станет хозяином жизни в своей стране. «Полной идеологией» удаётся овладеть лишь меньшей части — элите.

В теории это, конечно, возможно. Но убедительно в наших реалиях, ведь образованное население — это тоже капитал, выгодный государству.

5. Некоторые авторы ссылаются при анализе кризиса на общую моральную, этическую деградацию общества, утрату традиционных ценностей. Например, Э. Фагэ, автор книги «Искусство чтения», врагом чтения считал саму общественную жизнь, которая не склонна к чтению, потому что не склонна к спокойному размышлению, к созерцанию. Честолюбие, эгоизм, сластолюбие, жадность, страсть к приобретению, ненависть, в особенности политическая, зависть, соперничество, борьба за существование — все это делает жизнь тревожной и жестокой, отвращает от чтения книг. Если человек любит чтение — это значит, что он не честолюбив, что он лишен страсти к наживе, к приобретению богатства и власти, что он лишен политических страстей...¹⁹

Для выхода из создавшегося критического положения, чреватого деградацией, требуются неординарные усилия со стороны всех институционализированных структур как гражданского общества, так и государства. Совершенно очевидно, что привитие навыков чтения как базовой образовательной компетенции и тем более любви к чтению как жизненной потребности в решающей степени зависит от семьи и от школы, со-

ставляющих важнейшие социальные институты.

В мире уже предпринимаются практические шаги для нейтрализации возникающих рисков и выхода из социально опасной ситуации. В Англии, например, сформулирована национальная идея поддержки чтения, для реализации которой выделяются значительные средства, порядка 180 млн фунтов стерлингов. Целенаправленно поставлена работа с библиотекарями: их учат, как продвигать книгу, чтение в разные читательские аудитории, учитывая их интересы. Авторитет книги в Англии возрастает: 80% английских семей читают книги детям вслух и обсуждают с ними прочитанное. В США проблеме чтения огромное внимание уделяют СМИ, особенно телевидение.

Во время работы над инновационной программой мне с группой учёных — педагогов нашего университета удалось побывать в Финляндии и познакомиться довольно подробно с системой образования этой страны. Мы мало изучаем опыт наших ближайших соседей. Думаю, что эта образовательная система сегодня — одна из лучших, и причин тому немало. Это, прежде всего, высокий социальный статус учителя в обществе. Во-вторых, сама организация школьного обучения приспособлена к специфическим задачам: в младших классах имеются учителя чтения; за психологическим климатом в коллективе и комфортом учеников призван следить школьный психолог; формирование самостоятельной личности с развитыми духовными потребностями призван обеспечить демократизм в образовании и доверие к ребёнку; практике «навешивания ярлыков» на учеников препятствует отсутствие оценок в начальных классах. И как некогда в советской школе, отчисление учащихся из школы является событием экстраординарным.

В Южной Корее общественные организации вместе с родителями коренным образом изменили отношение власти к школьным библиотекам, которые имеются теперь при всех школах.

Большую роль в приобщении к культуре чтения должны, в идеале, играть и библиотеки. И кое-что в этой области удастся сделать. Недавно участвовал во всероссийском конгрессе в г. Вологде (2009 г.), где значительное внимание было уделено чтению, работала специальная секция, на которой делились опытом директора многих библиотек России. В одном из районов состоялось выездное заседание, где подводились итоги работы сельских библиотек, регионов России в организации чтения. Сложилась впечатление, что библиотекари (может быть, потому что они ближе всего к книге в самом широком смысле этого слова) в большей степени озадачены проблемой чтения и проявляют творческую активность в продвижении книги и организации чтения. Во многих регионах России, особенно в Челябинской, Вологодской областях, Чувашской автономной республике, на протяжении последних нескольких лет при библиотеках и образовательных учреждениях создаются и функционируют центры чтения.

К сожалению, далеко не все меры библиотек приводят к успеху, как далеко не все библиотеки могут себе позволить эти меры предпринять.

Существуют проблемы и у нас. Коллектив библиотеки и профессорско-преподавательский состав университета не ведут должной работы по привлечению студентов и аспирантов к чтению. Основные усилия концентрируются на мультимедийных средствах обучения и повышении информированности. Между тем библиотека располагает уникальной коллекцией редких книг (свыше 10 тыс. экземпляров), а также богатыми фондами учебной и научной литературы, периодических изданий. Не в полном объеме используется потенциал детско-юношеской библиотеки — одной из лучших в России.

Решение назревших проблем чтения в немалой степени зависит от того, насколько тесны и органичны связи образовательной практики и науки. Не всё здесь обстоит так, как хотелось бы. Некоторые исследователь-

ские работы, посвященные «открытому чтению», настолько затеоретизированы, что простому учителю сложно в них разобраться. Складывается парадоксальная ситуация: ученые-педагоги разрабатывают технологический инструментарий приобщения к чтению школьников, а школы, в массе своей, не берут его на вооружение и всё больше отстраняются от приобщения школьников к чтению.

Анализируя чтение в социальном ракурсе, не могу обойти вопрос о кадрах. Специалистов, умеющих обучать работе с компьютером, готовят, а умеющих обучать чтению — нет! Разумеется, компетенции, заложенные в специальность «библиотекарь», не могут решить эту проблему в школе, а тем более в вузе. В содержании педагогического образования (возможно, для будущих учителей литературы, русского языка) должна быть предусмотрена специальная подготовка, ориентированная на обучение чтению. Что это предполагает? Понимание типов литературы и их социальной роли, выбор литературы для чтения и самообразования, ориентация в новейших информационных потоках с точки зрения их качества (в том числе имеется в виду и Интернет).

Права Е. А. Орлова, которая отмечает, что ни один из вузовских образовательных стандартов не предполагает целенаправленной подготовки специалистов с квалификацией, связанной с поддержкой и развитием чтения. В педагогических вузах, по её мнению, этому не уделяется должного внимания. Дисциплины по обучению грамоте, чтению предусмотрены только для педагогов начальных классов. В профессиональной подготовке библиотекарей-библиографов, специалистов книжного дела литература как учебная дисциплина отсутствует.

В образовательном стандарте не предусмотрены курсы, связанные с детской и юношеской литературой²⁰. Необходимо преодолеть разрыв между словом и делом по поддержке и развитию детско-юношеского чтения. С одной стороны, принята

«Национальная программа поддержки и развития чтения». И в то же самое время во всех вузах культуры, кроме московского и Санкт-Петербургского, сокращаются кафедры детской литературы и библиотечной работы с детьми и юношеством. Последствия очевидны. В проигрыше окажется подрастающее поколение, а в конечном счете — российское общество. Сегодня необходимо исходить из того, что проблема чтения вышла за пределы образовательного, культурно-нравственного развития личности. Она стала важнейшей общегосударственной социальной проблемой. Национальная доктрина «Образование Российской Федерации» на период до 2025 г. в числе приоритетов государственной политики в области образования и культуры предусматривает решение таких задач, как преодоление духовного кризиса, восстановление статуса России в мировом сообществе как великой державы в сфере образования и культуры, создание основы для устойчивого социокультурного развития. Школа в широком смысле этого слова должна стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений.

В 2006 г. по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Российского книжного союза разработана «Национальная программа поддержки и развития чтения». Активное участие в этой работе принял Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества и его президент Е. И. Кузьмин. Программа определяет цели, задачи, направления, а также условия, включая ресурсы и институциональные структуры, чья деятельность призвана помочь возрождению в России читательской (и письменной) культуры. Предполагается, что в результате скоординированных действий государственных структур, общественных объединений и бизнеса будут обеспечены повышение интеллектуального потенциала нации, сохранение и развитие культуры России, поддержание и приумножение богатств родного языка. Программа предусматривает ряд этапов и рассчитана до 2020 г.

Однако, как признал президент Российского книжного союза С. В. Степашин, программа поддержки и развития чтения до сих пор не обрела статуса федеральной целевой программы. Похоже, даёт о себе знать экономический кризис. А это значит, что говорить о реализации программы не приходится.

Подводя некоторые итоги нашему анализу, отметим следующее.

Возрождение и развитие массового чтения как одного из социальных и национальных приоритетов будут способствовать решению жизненно важных проблем рос-

сийского общества, достижению стоящих перед нашей страной стратегических целей. В то же время должно быть ясно, что без коренного улучшения социальных условий и роста качества жизни соотечественников решить проблему кризиса чтения невероятно трудно. Необходимы эффективная социально ориентированная государственная политика и мощные финансовые вливания в социальную сферу, в том числе для поддержки и культивирования чтения. Таково, как нам представляется, непреложное условие продвижения России к информационному обществу, к обществу знания.

Примечания

1. Слово о книге (афоризмы, изречения) / Сост. Е. С. Лихтенштейн. М., 1984. С. 3.
2. См.: Электронный источник: Unesco.org. Режим доступа: <http://typo38.unesco.org/tu/unesco-home.html>
3. См.: *Поликарпов В. С.* Американская система образования: от «кафетерия» до Гарварда // Закат Америки. Электронный источник: Historic.ru. Режим доступа: <http://historic.ru>
4. См.: Электронный источник: Programm for International Student Assessment (PISA) // Режим доступа: <http://www.pisa.oecd.org>
5. См.: Электронный источник: Programm for International Student Assessment (PISA) // Электронный источник. Режим доступа: <http://www.pisa.oecd.org>
6. См.: Аргументы и факты. № 37. С. 8.
7. См.: Общественное мнение — 2008: Ежегодник аналитического центра Юрия Левады. М., 2008.
8. *Тихомирова И. И.* О развитии у детей позитивного отношения к чтению // Чтение детей и подростков как фактор формирования человеческого капитала: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 27–28 мая 2004 г. СПб., 2004. С. 44.
9. С. Н. Плотников в 1992 г. основал Российский фонд чтения им. Н. А. Рубакина, являлся его бессменным руководителем.
10. По данным 1980–1990-х гг.
11. *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Круг чтения и языковая способность российского студента // Вестник Герценовского университета. 2007. № 10. С. 47.
12. См.: *Галактионова Т. Г.* Чтение как фактор культурной преемственности // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения. 26–27 мая 2006 г. СПб., 2006. С. 331–332.
13. *Чудинова В. П.* Чтение детей как национальная ценность // Электронный источник. Режим доступа: <http://www.polemics.ru>
14. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. М., 2005.
15. *Рыжкова Т. В.* Не бойтесь компьютера! // Школа как территория чтения: Сб. статей. М., 2008. С. 73, 75.
16. Там же. С. 73.
17. Материалы доклада чл.-кор. РАН М. К. Горшкова на III Всероссийском социологическом конгрессе. Москва, 3–5 октября 2006 г.
18. В России — «третья волна» беспризорности, безнадзорности, неграмотности и преступности подростков (СТАТИСТИКА). 01.06.2005 // Электронный источник: Новости NEWSru.com. Режим доступа: www.NEWSru.com.
19. Цит. по: *Гинкель Ант.* О чтении и книгах. СПб., 1914. Вып. 2. С. 56–57.
20. *Орлова Е. А.* Рекомендации по повышению уровня читательской компетентности в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения. М., 2008. С. 14.